

**ЗВЕЗДЫ
КЛАССИЧЕСКОГО
ДЕТЕКТИВА**

РЕЖС СТАУТ

Слишком много
поваров

•

Где Цезарь
кровью истекал...

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
С 78

Rex Stout
TOO MANY COOKS
Copyright © 1938 by Rex Stout
SOME BURIED CAESAR
Copyright © 1939 by Rex Stout
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского Анны Голосовской,
Александра Санина и Юрия Смирнова

Серийное оформление и оформление обложки
Валерия Гореликова

© А. Ю. Голосовская, перевод, 1991
© А. В. Санин, перевод, 1990
© Ю. А. Смирнов (наследник),
перевод, 1990
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-19000-9

Слишком много поваров

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я использовал как можно меньше французских и разных причудливых слов в написании этого дела Ниро Вулфа, но я не мог вообще обойтись без них из-за людей, которые были вовлечены в эти события. Я не несу ответственности за орфографию, поэтому не пишите мне об ошибках. Вулф отказался мне помочь, и я вынужден был пойти в Языковую школу Хайнемана и заплатить профессору тридцать баксов, чтобы тот исправил мои записи французских слов. В большинстве случаев, когда кто-нибудь произносил то, что для меня было лишь пустыми звуками, я просто опускал сказанное, если оно было не важно, или каким-то образом старался передать основную идею на американском языке.

Арчи Гудвин

ГЛАВА 1

Я медленно прогуливался по платформе Пенсильванского вокзала. Мне необходимо было немного прийти в себя, потому что у меня создалось ощущение, будто я только что втащил по жаре пирамиду Хеопса на крышу Эмпайр-стейт-билдинг. Я остановился, вытер со лба пот, зажег сигарету и не торопясь продолжил прогулку. Не успел я сделать и трех затяжек, как в окно, мимо которого я проходил, постучали. Я наклонился и поймал полный отчаяния взгляд Вулфа, которого мне еле-еле удалось разместить в купе пульмановского вагона. Что есть мочи он заорал через закрытое окно:

— Арчи! Черт бы тебя побрал! Иди сюда! Поезд сейчас тронется, а у тебя билеты!

— Вы же сказали: там слишком тесно, чтобы курить! — завопил я в ответ. — Еще только тридцать две минуты десятого! И вообще, я раздумал ехать! Приятного времяпрепровождения!

Я побрел дальше. Билеты, как же! Не это его беспокоит. Он трясется от страха, потому что один в поезде, а поезд ведь может поехать. Он ненавидит движущиеся предметы и обожает доказывать, что в девяти случаях из десяти место, куда человек едет, ничуть не лучше того, откуда он уехал. Потому я и не стал спорить, когда, собираясь в поездку на четыре дня, он взял с собой три саквояжа, два чемодана и два пальто.

И это в апреле! На вокзал пришлось приехать за двадцать минут до отхода поезда.

Фриц Бреннер провожал нас со слезами на глазах, а Теодор Хорстман, когда мы уже сели в наш седан, выбежал на улицу, чтобы задать еще несколько дюжин вопросов об орхидеях. И даже у Сола Пензера, когда он привез нас на вокзал и начал прощаться с Вулфом, задрожал голос. Можно было подумать, что нас запускают в космос проверить, все ли звезды на месте.

И вот, как раз когда я собрался выкинуть окурок в щель между поездом и платформой, мне на глаза попала одна звездочка. Она прошла совсем близко и обдала меня ароматом, который, хотя и вышел из парфюмерного флакона, но показался мне вполне естественным. Таким же естественным казался цвет ее лица, хотя допускаю, что он тоже плод парфюмерного искусства. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что это создание не серийного производства, а тонкой ручной работы. Девушка шла под руку с высоким грузным мужчиной в коричневом плаще и коричневой широкополой шляпе. Вслед за проводником они вошли в следующий за нами вагон. Мурлыча под нос: «Все, что у меня было, — это мое сердце, а теперь и оно пропало», я с притворным равнодушием пожал плечами и вошел в вагон, когда просигналили отправление.

Вулф сидел на широком диване у окна и держался за поручень обеими руками. Тем не менее, когда поезд тронулся, его качнуло назад и вперед. Уголком глаза я заметил бешенство на его лице, но решил не обращать внимания и, вытащив из чемодана журнал, уселся в углу. Все еще не расцепляя рук, он заорал в мою сторону:

— Мы прибудем в Канова-Спа завтра утром в одиннадцать двадцать пять! Четырнадцать часов! В Питс-

бурге наш вагон прицепят к другому поезду! В случае поломки нам придется ждать вечернего поезда! Если что-нибудь случится с нашим двигателем...

Я холодно прервал его:

— Я не глухой, сэр. Вы можете плакаться сколько угодно, этим вы утруждаете только собственные легкие. Но я решительно возражаю против любых упреков — выражаются они в словах или в вашем тоне, — будто я виноват в этих неудобствах. — Я специально приготовил прошлой ночью эту фразу, так как знал, что она мне понадобится. — Это путешествие — ваша затея. Вы хотели поехать, по крайней мере вы хотели оказаться в Канова-Спа. Шесть месяцев назад вы пообещали Вукчичу, что приедете шестого апреля. Теперь вы жалеете об этом. И я тоже. Что же касается двигателя, то на таких поездах установлены самые новые и лучшие, и даже ребенку ясно...

Поезд выехал из тоннеля под рекой и продолжал набирать скорость на просторах Джерси.

— Двигатель состоит из двух тысяч трехсот девяти подвижных частей! — прокричал Вулф.

Я отложил журнал и ободряюще улыбнулся ему. Он патологически боится механизмов. Нельзя позволять ему думать об этом, а то нам обоим будет хуже. Надо поскорее на что-то его переключить. Но прежде чем мне удалось найти приятную тему, возникло одно обстоятельство, свидетельствующее о том, что, как бы Вулф ни бесновался, пока я курил на платформе, он не до конца потерял присутствие духа. Дверь приоткрылась и пропустила проводника со стаканом и тремя бутылками пива на подносе. Проводник откупорил бутылку, вылил пиво в стакан, поставил оставшиеся две на столик, положил открывалку, получил от меня плату и удалился. Поезд на повороте слегка качнуло, и лицо Вулфа исказила ярость. Затем поезд

пошел плавно, Вулф взял стакан, отхлебнул раз, другой, третий и поставил его пустым на столик. Слизнув с губ пену, он тщательно вытер рот платком и принялся оглядываться по сторонам уже без малейших признаков истерики:

— Прекрасно. Не забыть сказать Теодору, чтобы он следил за температурой в оранжерее.

— Закажите разговор из Филадельфии.

— Спасибо. Я страдаю, и ты это знаешь. Не затруднит ли вас, мистер Гудвин, если я попрошу достать из чемодана мою книгу? Это «Внутри Европы» Джона Гунтера.

Я взял чемодан и выудил книгу.

В течение полчаса мы мирно катили по ночному Джерси. Все три бутылки опустели, Вулф склонился над книгой и, судя по тому, что он переворачивал страницы, углубился в чтение. Я просматривал статью о сопоставлении улик в «Журнале криминалистики». Но сопоставление улик мало занимало меня. Мой мозг трудился над проблемой, как уложить Ниро Вулфа спать. Разумеется, дома он раздевался сам, и я не служил у него лакеем — всего лишь секретарем, телохранителем, детективом и козлом отпущения. Однако факт есть факт: скоро полночь, а он сидит в костюме, и необходимо изобрести способ, как его раздеть, чтобы при этом не перевернулся поезд. И дело не только в его неповоротливости, просто у него отсутствует навык поддерживать равновесие в движущемся транспортном средстве. О том, чтобы стащить с него брюки, когда он сидит, не может быть и речи: в нем от двухсот пятидесяти до пятисот фунтов. Насколько я знаю, его никогда не взвешивали, и об истинном его весе можно только гадать. Я напряженно обдумывал эту задачу и уже было решил исходить из условного веса триста десять фунтов, как к нам постучали. Я крикнул, что дверь не заперта.

Вошел Марко Вукчич. Из его телефонного разговора с Вулфом около недели назад я узнал, что он едет тем же поездом. Последний раз мы виделись у нас за обедом в начале марта. Вукчич — один из двух человек, не считая служащих, кого Вулф зовет по имени. Вукчич прикрыл за собой дверь и встал посреди купе, как лев на задних лапах — не толстый, но огромный, с непослушной гривой волос.

— Марко! — заорал ему Вулф. — Разве у тебя нет спального места? Какого черта ты прыгаешь в утробе этого чудовища?!

Вукчич улыбнулся, показав крепкие белые зубы:

— Ниро, проклятый старый отшельник! Я не сижу, подобно тебе, как улитка в своей раковине. Но, так или иначе, ты в поезде — вот это победа! Я нашел тебя и еще одного коллегу, которого не видел пять лет. Он едет в следующем вагоне. Я предложил ему встретиться с тобой. Он будет рад, если ты придешь к нему в купе.

Вулф сжал губы:

— Это просто смешно. Я не акробат. И не собираюсь вставать с места, пока эта штука не остановится.

— Каким же образом тогда... — Вукчич расхохотался и поглядел на груды багажа. — Но, похоже, у тебя есть все необходимое. Да я и не предполагал, что ты пойдешь. Я лучше приведу его сюда, если можно. Об этом я и пришел спросить.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Прошу тебя, Марко, — покачал головой Вулф. — Посмотри на меня. Я не в состоянии поддерживать светский разговор.

— Ненадолго, только поздороваться.

— Нет. Думаю, что не смогу. Ты отдаешь себе отчет, что, если эта штуковина натолкнется на какое-нибудь препятствие, мы полетим вперед со скоростью

восемьдесят миль в час? Разве это обстановка для приятного времяпрепровождения? — Он снова сжал губы и лишь слегка пошевелил ими, чтобы произнести: — Завтра!

Вукчич, который почти так же, как Вулф, привык добиваться своего, попробовал настаивать, но это ни к чему не привело. Он попытался взять его уговорами — и это не подействовало. Я зевал.

Наконец Вукчич решил плюнуть на свою затею:

— Ну ладно, завтра. Если мы не наткнемся на препятствие и останемся в живых. Я скажу Берену, что ты лег спать.

— Берену? — Вулф выпрямился и даже ослабил свою мертвую хватку. — Это не Жером Берен?

— Он самый. Он один из пятнадцати.

— Приведи его. — Вулф прикрыл глаза. — Обязательно. Я хочу его видеть. Почему, черт побери, ты сразу не сказал, что это Берен?!

Вукчич махнул рукой и вышел. Минуты через три он вернулся и придержал дверь для своего спутника. Вернее, их оказалось двое, и наиболее интересный, с моей точки зрения, вошел первым. Она успела снять свою накидку, но осталась в шляпе, и от нее шел тот же свежий и пьянящий запах, что и на платформе. Я разглядел, что она молода, как любовная греза, и при этом освещении глаза у нее темно-фиолетовые. Ее губы говорили о том, что она сдержанна, но любит посмеяться. Вулф окинул ее удивленным взглядом и переключил внимание на высокого грузного мужчину позади нее, которого я узнал даже без коричневого плаща и шляпы.

Вукчич представил собравшихся друг другу: мистер Ниро Вулф, мистер Гудвин, мистер Жером Берен, его дочь, мисс Констанца Берен.

Поклонившись, я предоставил им продолжать знакомство, а сам занялся устройством сидений в нуж-

ном мне порядке. В результате три толстяка разместились на диване, любовная греза — на стуле, а я — рядом с ней на чемодане. Она одарила меня дружеской улыбкой и отвернулась. Уголком глаза я заметил, как скривился Вулф, когда Вукчич вынул сигару, а Берен набил старую трубку и скрылся в облаках дыма. Узнав, что он ее отец, я начал испытывать к нему самые дружеские чувства. У него были черные с проседью волосы, борода, в которой седины было еще больше, и глубокие блестящие черные глаза.

— Это мой первый приезд в Америку, — говорил он Вулфу. — Я только сейчас понял ее прелесть. В поезде чистота. Никакого мусора! А движение плавное, как полет чайки. Замечательно!

Вулфа передернуло, но Берен не заметил. Он продолжал свое. Словами «первый приезд в Америку» он немного испугал меня. Я наклонился к своей грезе и шепотом спросил:

— Вы говорите по-английски?

— О да, — улыбнулась она. — И даже неплохо. Мы прожили три года в Лондоне.

— О'кей, — кивнул я и занял положение, в котором было всего удобнее на нее смотреть.

Я размышлял о том, как мудро поступил, не надев супружеского ярма на свою шею ни в одну из прежних попыток. Иначе сейчас мне пришлось бы скрежетать зубами. Стало быть, нужно держаться, пока зубы у меня еще достаточно крепкие. И вообще, смотреть никому не запрещено.

В это время ее отец говорил:

— Как я понял со слов Вукчича, вы почетный гость Сервана. Значит, последний вечер будет вашим. Впервые Америка удостоилась такой чести. В тысяча девятьсот тридцать втором году в Париже нас приветствовал премьер-министр, а председателем был еще

живой Арман Флэри. А в тысяча девятьсот двадцать седьмом — Ферид Халдах, тогда еще не профессионал. Вукчич говорит, что вы блюститель порядка. Это правда?

— Не совсем так, — кивнул Вулф. — Я не полицейский, а частный детектив. Я заманиваю преступников в ловушку и ищу улики, чтобы арестовать их. И делаю это за деньги.

— Невероятно! Такая грязная работа!

Вулф попытался пожать плечами, но помешал толчок поезда. Его грозный взгляд предназначался не Берену, а поезду.

— Возможно. Каждый выбирает дело, которое способен делать без отвращения. Фабрикант детских колясок запутывается в паутине монополий и превращает рабочих в орудие для достижения своих корыстных целей. Безголовые политиканы стреляют друг в друга, и их мозги сгнивают прежде, чем им успевают поставить памятники. Мусорщику приходится копаться в пищевых отходах, а сенатору — в доказательствах коррупции высокопоставленных чиновников. И как знать, что грязнее? Дело только в том, что мусорщик получает меньше, — это единственное реальное различие. А я не пачкаю рук задаром, я назначаю высокую плату.

Берен проглотил все это.

— Но вы ведь не собираетесь делать для нас доклад о пищевых отходах, не так ли? — усмехнулся он.

— Нет. Мистер Серван попросил меня выступить на тему, как он сам сформулировал ее: «Contributions Americaines à la Haute Cuisine»¹.

— Ба! — фыркнул Берен. — Но тут не о чем говорить!

¹ Вклад американцев в высокую кухню (фр.). — Здесь и далее примеч. перев., кроме особо оговоренных.

Вулф поднял брови:

— Не о чем, сэр?

— Не о чем. Мне говорили, что во многих американских семьях неплохо готовят. Я сам не пробовал. Я слышал о кукурузных лепешках, похлебке из моллюсков и молочном соусе. Это наверняка вкусно, но это для всех. И конечно, не представляет интереса для мастеров высокой кухни. — Он снова фыркнул. — Все эти блюда имеют такое же отношение к высокой кухне, как сентиментальные любовные песенки к Бетховену или Вагнеру.

— Действительно. — Вулф ткнул в него пальцем. — Пробовали вы тушенную в масле черепаху или куриный бульон с хересом?

— Нет.

— А кусочки мясного филе на вертеле, два дюйма толщиной, из которого под ножом сочится горячий красноватый сок? Оно подается с американской петрушкой, тонкими ломтиками лимона и картофельным пюре, которое тает во рту. Можно еще украсить отваренными свежими грибами.

— Нет.

— А новоорлеанский рубец по-креольски? А миссурийский окорок из графства Бун, который запечен с уксусом, патокой, вустерским соусом, сладким сидром и травами? А цыплят маренго? Или курицу в яичном соусе с изюмом, луком, миндалем, хересом и мексиканскими колбасками? Или опоссума по-теннессийски? Или омара «Ньюбур»? Или филладельфийский черепаховый суп? Но я и так вижу, что нет. — Вулф снова ткнул в него пальцем. — Не спорю, для кулинара Франция — рай. Но он хорошо сделает, если будет интересоваться кухней других стран. Мне доводилось есть рубец по-кайеннски у Фарамона в Париже. Он превосходен, но не лучше, чем рубец по-креольски, который не нужно проталкивать в горло

с помощью вина. В юности, когда был легче на подъем, я пробовал буйабес в Марселе, его колыбели и храме. Могу сказать, что он лишь для того, чтобы утолить голод, и не идет ни в какое сравнение с новоорлеанским буйабесом. Если у вас нет красного луциана...

В течение секунды мне казалось, что Берен собирается плюнуть ему в лицо. Предоставив им самим разбираться между собой, я наклонился к Констанце:

— Я вижу, ваш отец — хороший повар.

Фиолетовые глаза удивленно посмотрели на меня из-под поднятых бровей.

— Он шеф-повар «Корридона» в Сан-Ремо. Разве вы не знали?

— Да, — кивнул я, — видел список пятнадцати. Вчера в «Таймс». Только теперь вспомнил. А вы сами умеете готовить?

— Нет. Ненавижу это занятие. Единственное, что я умею, — это варить хороший кофе. — Ее взгляд спустился к моему галстуку, на мне был темно-коричневый в горошек, который очень шел к песочного цвета рубашке в тонкую полоску. — Я не расслышала ваше имя, когда мистер Вукчич знакомил нас. Вы тоже детектив?

— Меня зовут Арчи Гудвин. Арчибальд означает «святой и добрый», но мое имя не Арчибальд. Никогда не слышал, как француженка произносит «Арчи». Пожалуйста, попробуйте.

— Я не француженка. — Она нахмурилась. Кожа у нее была такая гладкая, что морщинки напоминали неровности на поверхности нового теннисного мяча. — Я каталонка. И уверена, что смогу выговорить «Арчи». Арчиарчиарчи. Ну как?

— Изумительно!

— Так вы детектив?

— Конечно. — Я достал бумажник, порылся в нем и вытащил рыболовную лицензию, полученную прошлым летом в штате Мэн. — Смотрите. Видите мое имя?

Она стала читать, с сомнением покачала головой и вернула лицензию мне.

— А что такое Мэн? Ваш участок?

— Нет. Понимаете, у нас в Америке два типа сыщиков, более или менее дееспособных. «Мэн» означает, что я отношусь к тем, которые «менее». То есть мне почти не достается тяжелой работы — поить коней, расстреливать пленных или смазывать древопроводные желоба. Я всего лишь шевелю мозгами — например, ко мне обращаются, когда не знают, что делать. А вот наш мистер Вулф принадлежит к тем, кто «более». Вы же видите, какой он крупный и сильный. И бегаёт, как олень.

— Но... при чем тут кони?

Я терпеливо объяснил:

— В этой стране закон запрещает убивать человека, если у вас нет на него коня. Когда трое или больше джентльменов играют в кости на выпивку, часто звучит: «Конь на тебя» или «Конь на меня». Вы не сможете безнаказанно выстрелить, если сначала не произнесете эти слова. А еще есть выражение «кобылье гнездо» — так говорится о чем-то ложном, несуществующем. В кобыльем гнезде живут только кобылы, жеребцов не бывает. «Конские перья» — тоже странный оборот. Ну откуда у коня перья?..

— Что такое кобыла?

Я прочистил горло:

— Противоположность жеребцу. Как вы знаете, все должно иметь свою противоположность. Правое не может быть без левого, или верх без дна, или лучшее без худшего. Точно так же не может быть кобылы без жеребца или жеребца без кобылы. Если взять, скажем, десять миллионов жеребцов...

Я был так поглощен болтовней с прекрасной каталонкой, что перестал вслушиваться в общий разговор. Внезапно Вукчич вскочил и пригласил мисс Бе-

рен в вагон-бар. Выяснилось, что Вулф выразил желание поговорить с ее отцом наедине. Я внимательно посмотрел на него, стараясь понять, что за игру он затеял. Он слегка постукивал пальцем по колену — это был признак далекоидущих планов. Когда Констанца встала, я тоже поднялся.

— Вы позволите? — Я поклонился и сказал Вулфу: — Если я вам понадобится, пришлите за мной проводника. Я не успел объяснить мисс Берен...

— Мисс Берен? — Вулф подозрительно посмотрел на меня. — Любую информацию она сможет получить у Марко. А нам, я надеюсь, понадобится твой блокнот. Садись!

И Вукчич увел ее. Я снова сел, теперь уже на стул. Мне очень хотелось попросить расчет, но движущийся поезд — самое неподходящее для этого место на земле.

Берен опять набил трубку. Вулф заговорил вкрадчивым голосом. Чувствовалось, что он прощупывает место для лобовой атаки.

— Для начала я хотел бы рассказать вам об одном уроке, который получил двадцать пять лет назад. Надеюсь, рассказ вам не наскучит. — Берен согласно кивнул, и Вулф продолжил: — Это было перед войной, в Фигерасе.

Берен поправил трубку:

— Ха! Вот как?

— Да. Я тогда еще только начинал и приехал в Испанию с секретным поручением от правительства Австрии. След одного человека привел меня в Фигерас, и однажды вечером, часов в десять, я, не успев пообедать, зашел в маленькое кафе на площади и спросил чего-нибудь поесть. Хозяйка ответила, что у них почти ничего нет, и принесла мне домашнего вина, хлеба и блюдо колбасок. — Вулф наклонился вперед. — Сэр, даже Лукуллу не доводилось пробовать таких

колбасок. Ни Брийя-Саварену. Ни даже Вателю или Эскофье¹. Я спросил у женщины, где она раздобыла эти колбаски. Она сказала, что их приготовил ее сын. Я просил разрешения встретиться с ним, но его не было дома. Я спросил, как его зовут. «Жером Берен», — ответила она. Я съел еще три блюда колбасок и уговорился, что приду наутро, чтобы увидеться с ее сыном. Но часом позже мой подопечный сбегал в Порт-Вендрес, где сел на корабль до Алжира. Мне пришлось следовать за ним. Погоня довела меня до самого Каира, а потом другие дела помешали мне еще раз приехать в Испанию до войны. — Вулф откинулся на спинку и глубоко вздохнул. — До сих пор, закрыв глаза, я вспоминаю вкус этих колбасок.

Берен кивнул, но продолжал хмуриться:

— Занятная история, мистер Вулф. Очень лестно, благодарю вас. Но, конечно, колбаски минюи...

— Тогда они не назывались колбаски минюи. Это были просто домашние колбаски в маленьком испанском городке. В годы юности, не имея большого опыта, при весьма странных обстоятельствах я все-таки попробовал эти колбаски — произведение высокого кулинарного искусства. Хорошо помню: когда я ел первую, мне показалось, что это просто случайное совпадение в беспорядке смешанных ингредиентов. Но остальные имели тот же вкус — содержимое всех трех порций. Это было гениально. Я тотчас же распознал это. Я не из тех, кто едет из Ниццы или Монте-Карло в «Корридону» в Сан-Ремо только потому, что Жером Берен знаменит, а колбаски минюи — его шедевр. Я выражаю свое восхищение сразу, не дожидаясь всеобщего признания.

¹ *Ватель Франсуа* (предпол. 1631–1671) и *Эскофье Огюст* (1846–1935) — великие французские кулинары. — *Примеч. ред.*

Берен все еще хмурился:

— Кроме колбасок минюи, я готовлю и другие блюда.

— Конечно. Вы же мастер высокой кухни. — Вулф ткнул в него пальцем. — Я вижу, что чем-то огорчил вас. Вероятно, я был бестактен. Дело в том, что все это было предисловием к просьбе. Я не собираюсь доискиваться причин, почему вы двадцать лет отказываетесь открыть рецепт этих колбасок: шеф-повару есть чего опасаться. Я знаю, что был сделан ряд попыток воспроизвести их — и все неудачные.

Берен нахмурился еще больше.

— Неудачные?! — прорычал он. — Да это было просто оскорбление! Преступление!

— Именно так. Согласен. Я понимаю: разумно держать рецепт в секрете, чтобы предотвратить те бездарные подделки, которые появятся в кухнях ресторанов мира, если вы опубликуете его. Существует несколько великих поваров, чуть больше хороших и несметное множество плохих. У меня работает хороший — мистер Фриц Бреннер. У него нет вдохновения, но он достаточно компетентен, и у него тонкий вкус. Он абсолютно честен, я тоже. Я умоляю вас — это та самая просьба, к которой я вел все время, — я умоляю вас открыть мне рецепт колбасок минюи.

— Великий боже! — Берен чуть не выронил трубку. Подхватив ее, он изумленно посмотрел на Вулфа, затем расхохотался. Поднял вверх руки и махал ими, хохоча, как будто никогда в жизни не слышал такой славной шутки и желал посмеяться над ней на всю катушку. Наконец он перестал и уставился на Вулфа с презрением. — Открыть его вам?! — повторил он отвратительным тоном. Особенно противно было слышать такое от отца Констанцы.

— Да, сэръ, — спокойно ответил Вулф, — мне. Я оправдаю ваше доверие. Я не сообщу рецепт нико-

му. Его не будет знать никто, кроме меня и мистера Гудвина. Моя цель не распространение, а еда. У меня...

— Великий боже! Поразительно! И вы действительно думаете...

— Нет. Я ничего не думаю. Я просто прошу. Вы захотите, конечно, испытать меня, я пройду испытания. Я ни разу не нарушил данного слова. Кроме того, я готов заплатить три тысячи долларов. Недавно я получил порядочный гонорар.

— Ха! Мне предлагали пятьсот тысяч франков!

— С коммерческими целями. А это лишь просьба частного лица. Колбаски будут готовить только в моем доме, а ингредиенты будет покупать мистер Гудвин, который пользуется моим абсолютным доверием. Я должен кое в чем вам признаться. С тысяча девятьсот двадцать восьмого года по тысяча девятьсот тридцатый, когда вы еще служили в «Тарлетоне» в Лондоне, мой человек приходил в ресторан, заказывал ваши колбаски и пересылал мне. Я пытался понять, что вы туда кладете, сам, приглашал кулинарных экспертов, поваров и химиков. Все результаты оказались неудовлетворительными. Разумеется, дело не столько в ингредиентах, сколько в способе приготовления. У меня есть...

— Это был Ласцио? — ворчливо спросил Берен.

— Ласцио?

— Филип Ласцио. — Он произнес это имя, как ругательство. — Вы сказали, что консультировались с поварами...

— О! Нет, не Ласцио. С ним я не знаком. Я сделал это признание, чтобы показать, что был достаточно честолобив, пытаюсь разгадать секрет самостоятельно. Но я прошу вас заключить со мной соглашение не для того, чтобы предать вас. Признаюсь еще. Я согласился на это чудовищное путешествие не только потому, что приглашение делало мне честь. Главной мо-

ей целью было увидеть вас. Все, что нужно мне в жизни, — читать книги, решать сложные задачи и есть любимые блюда. — Он глубоко вздохнул и прикрыл глаза. — Пять тысяч! Ненавижу торговаться.

— Нет! — отрезал Берен. — Вукчич знал об этом? Он для этого привел меня сюда?

— Сэр! Прошу вас. Я говорил о доверии. О моем предложении никто не знает. Я начал с просьбы и снова повторяю ее. Не окажете ли вы мне любезность?

— Нет.

— Ни при каких условиях?

— Нет.

Глубокий вздох всколыхнул брюхо Вулфа. Он покачал головой:

— Я осел. Нельзя было начинать об этом в поезде. Я сам не свой. — Он протянул руку и позвонил. — Хотите пива?

— Нет! — гавкнул Берен. — То есть да. Я хочу пива.

— Прекрасно. — Вулф откинулся на спинку и закрыл глаза.

Берен снова раскурил трубку. Поезд качнуло на повороте, свет мигнул. Вулф судорожно вцепился в подлокотники. Вошел проводник и, получив заказ, скоро вернулся с бутылками и стаканами. Пока они пили пиво, я в своем блокноте рисовал натюрморт с колбасками.

— Спасибо, сэр, что вы принимаете мое угощение, — сказал Вулф. — Нет причин нам не быть друзьями. Я сделал ложный шаг. Еще до того, как я произнес свою просьбу, что-то рассердило вас в моем рассказе, а ведь он должен был польстить вам. В чем же была моя ошибка?

Берен облизнул губы, поставил стакан на стол. Рука его инстинктивно потянулась туда, где должен был быть уголок фартука. Не обнаружив его, Берен вынул

носовой платок. Потом он наклонился к Вулфу и произнес, постукивая пальцем по его колену:

— Вы живете не в той стране.

Вулф поднял брови:

— Да? Подождите, пока не отведаете черепаху по-мэрилендски. Или, осмелюсь сказать, устричный пирог Ниро Вулфа в исполнении Фрица Бреннера. По сравнению с американскими европейские устрицы — просто капли протоплазмы.

— Я говорю не об устрицах. Вы живете в стране, которая терпит присутствие Филипа Ласцио.

— Но я действительно не знаком с ним.

— Он готовит свои помои в отеле «Черчилль» в вашем Нью-Йорке! Вы должны знать это.

— Я слышал о нем, конечно, раз он равного класса с вами.

— Равного со мной? Фу! — Руки Берена одним быстрым круговым движением выкинули воображаемого Филипа Ласцио через окно. — Ничего похожего!

— Прошу прощения. — Вулф склонил голову набок. — Он, как и вы, один из «Les Quinze Maîtres»¹. Вы считаете, что он недостоин?

Берен снова забарабанил по колену Вулфа. Было смешно наблюдать, как Вулф, который ненавидит, когда к нему прикасаются, терпит это во имя колбасок.

— Более всего Ласцио достоин быть разрезанным на мелкие части и скормленным свиньям, — процедил Берен сквозь зубы. — Но нет, это сделает несъедобной ветчину. Просто разрубить на куски! — Он уставился на дырку в полу. — И закопать. Говорю вам, я знаю Ласцио много лет. Может, он турок? Никто не знает. Никто не знает, как его зовут. В тысяча девятьсот двадцатом он украл секрет «Rognons aux Montagnes» (почки по-горски) у моего друга Зелоты из Тарраго-

¹ Пятнадцать мастеров высокой кухни (*фр.*).

ны и объявил рецепт своим. Зелота поклялся убить его. Он украл еще множество рецептов. В тысяча девятьсот двадцать седьмом, несмотря на мой яростный протест, он был избран в «Les Quinze Maitres». А его жена — вы видели ее? Это Дина, дочь Доменико Росси из кафе «Эмпайр» в Лондоне. В детстве она не раз сидела у меня на коленях! — Он шлепнул по колену. — Вы, без сомнения, знаете, что ваш друг Вукчич женился на ней, а Ласцио отбил у него жену. Вукчич, разумеется, убьет его, но почему он ждет так долго? — Берен потряс сжатыми кулаками. — Это собака, это змея, которая ползает в грязи! Вы знаете Леона Бланка, нашего любимого и великого Леона? Вы знаете, что он теперь прозябает в заведении без всякой репутации под названием «Уиллоу-клуб» в занюханном городишке Бостон? А раньше в течение многих лет ваш отель «Черчилль» славился своей кухней, потому что шефом был он. Ласцио украл у него это место, украл клеветой, ложью, придирками! Дорогой старый Леон убьет его! Определенно. Этого требует справедливость.

Вулф пробормотал:

— Ласцио уже трижды мертв. Не поджидают ли его и другие смерти?

Берен откинулся на спинку и, успокаиваясь, пробурчал:

— Поджидают. Я и сам убью его!

— Так он и у вас крал?

— Он крал у всех. Раз Бог создал его таким, пусть Бог его и защищает. — Берен выпрямился. — Я прибыл в Нью-Йорк в субботу на борту «Рекса». В тот же вечер я, движимый неумемной ненавистью, отправился с дочерью обедать в «Черчилль». Мы пошли в зал, который называется «Курортный». И у кого он украл идею?! Все официанты одеты в униформу ресторанов известнейших курортов мира — «Шеферда» в Каире,

«Континенталья» в Биаррице, «Ле Фигьер» в Жуанле-Пене, «Дель Монте» в вашей Калифорнии, Канова-Спа, куда везет нас этот поезд, и еще других. Мы сели за стол — и кого я увидел? Официанта с помоями Ласцио в униформе моей собственной «Корридоны!» Представляете? Я собирался броситься на него и спросить, где он ее взял. Мне хотелось сорвать с него униформу вот этими руками! — Он яростно размахивал ими перед носом Вулфа. — Но дочь удержала меня. Она сказала, что я не должен позорить ее. А мой собственный позор? Он не в счет? — Вулф с сочувствием покачал головой и потянулся за пивом, а Берен продолжил: — Счастье, что его стол был далеко от нас. Я повернулся к нему спиной. Но подождите. Послушайте, что было дальше. Как вы думаете, что я увидел в меню горячих блюд? Ну что?

— Надеюсь, не колбаски минюи?

— Именно так! В меню горячих блюд под номером четыре! Конечно, для меня это не было полной неожиданностью. Я знал, что уже несколько лет Ласцио набивает кишки бог знает чем и называет это колбасками минюи. Но увидеть это название здесь, в меню, четвертым по счету! Весь зал, столы и стулья, все эти официанты в униформе заплясали у меня перед глазами. Если бы в этот момент появился Ласцио, я убил бы его собственными руками. Но его не было. Я заказал официанту две порции. Когда я делал заказ, голос мой дрожал. Их подали на фарфоровых тарелках — боже правый! — и похожи они были... даже не знаю на что. На этот раз я решительно пресек возражения дочери. Взяв в каждую руку по тарелке, я поднялся со стула и со спокойной решимостью вывалил все это на середину ковра! Что тут началось! Примчался официант. Я взял дочь за руку и ушел. Нас остановил метрдотель. Но я заставил его замолчать. Я сказал ему значительным тоном: «Я Жером Берен из ресторана „Корридона“ в Сан-Ремо! Приведите сю-

да Филипа Ласцио и покажите ему, что я сделал. Только держите меня, чтобы я не вцепился ему в горло». Я еще кое-что сказал. Это было лишнее. Затем я отвел дочь в «Рустерман», где нас встретил Вукчич и успокоил блюдом своего гуляша и бутылочкой «Шато-Латур» тысяча девятьсот двадцать девятого года.

— Это успокоит и тигра, — согласился Вулф.

— Так и было. Я хорошо спал. Но на следующее утро — вчера — знаете, что произошло? Ко мне в гостиницу пришел человек с запиской от Филипа Ласцио. Он приглашал меня на ланч! Можете вы поверить в такое бесстыдство? Но это еще не все. Человеком, принесшим записку, был Альберто Мальфи!

— Да? Я и его должен знать?

— Не теперь. Теперь-то он не Альберто, а Альберт, Альберт Мальфи, а прежде был корсиканец, который работал шинковщиком в крохотном кафе в Аяччо. Я откопал его там, привез в Париж — я работал тогда в «Провансале», — учил его и сделал из него хорошего повара. Теперь он главный ассистент Ласцио в «Черчилле». Ласцио сманил его у меня в Лондоне в тысяча девятьсот тридцатом. Сманил моего лучшего ученика и насмеялся надо мной! И эта нахальная жаба присылает его ко мне с приглашением на ланч! Альберто появляется передо мной в визитке, кланяется и, как будто ничего не случилось, подает эту записку на безукоризненном английском языке.

— Как я понимаю, вы не пошли.

— Фу! Чтобы я ел его отраву? Я пинками выставил Альберто за дверь. — Берена передернуло. — Никогда не забуду: однажды, в тысяча девятьсот двадцать шестом году, когда я был болен и не мог работать, — он поднял указательный палец, — я чуть было не доверил Альберто рецепт колбасок минюи. Великий Боже! Если бы я это сделал! Он готовил бы их теперь для Ласцио! Ужас!

Содержание

СЛИШКОМ МНОГО ПОВАРОВ	
<i>Перевод А. Голосовской</i>	5
ГДЕ ЦЕЗАРЬ КРОВЬЮ ИСТЕКАЛ...	
<i>Перевод А. Сапина, Ю. Смирнова</i>	241

Стаут Р.

С 78 Слишком много поваров ; Где Цезарь кровью истекал... : романы / Рекс Стаут ; пер. с англ. А. Голосовской, А. Санина, Ю. Смирнова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 480 с. — (Звезды классического детектива).

ISBN 978-5-389-19000-9

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью.

На встрече пятнадцати лучших в мире поваров убивают одного знаменитого повара. Вулфу брошен вызов — и как детективу, и как завзятому гурману. Еще одно дело, которое Вулф расследует вне дома. Страсти разгораются вокруг бесценного племенного быка. Происходят два убийства подряд, в одном подозревается бык, во втором — Арчи Гудвин...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

РЕКС СТАУТ

СЛИШКОМ МНОГО ПОВАРОВ

ГДЕ ЦЕЗАРЬ КРОВЬЮ ИСТЕКАЛ...

Ответственный редактор Ольга Рейнгеверц
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Анна Быстрова, Татьяна Бородулина

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 29.12.2020. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 21,15. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-MCD-27686-01-R